

УДК 94(540)

И.П. Глушкова

СПОСОБЫ СУЩЕСТВОВАНИЯ САКРАЛЬНОГО ИНДУССКОГО ТЕКСТА И ОБРАЗ РОССИИ В ИНДИИ

Дается характеристика комментаторской традиции Бхагавад-гиты на примере комментариев Днянешвары и Бхактиведанты Свами Прабхупады. Автор показывает значение комментаторских традиций в индуизме и выявляет причины негативной реакции индийской общественности на суд в Томске над «Бхагавад-гитой как она есть».

Ключевые слова: индуизм, Бхагавад-гита, Днянешвар, Прабхупада, Индия, суд, Томск.

Об индуизме в России XXI в. известно мало – на уровне самых общих представлений, почерпнутых из любительских публикаций и/или из туров к побережью Аравийского моря и последующего обсуждения в интернет-блогах. Новых исследований практически нет, а старые, но еще добротные, лежат почти мертвым грузом в библиотеках или «заштабелированы» там же по причине отсутствия мест, т.е. на руки не выдаются.

Сам термин «индуизм» сформировался в конце XVIII – начале XIX в. усилиями британской колониальной администрации, из среды которой вышло много толковых ученых, описывавших чуждую для них культурно-религиозную среду. Они соединили слово *hindu* (букв. «океанский», т.е. связанный с «большой» рекой Инд [*Sindhu*]¹) – как еще древние персы называли жителей «противоположной стороны Инда» (от чего потом греки произвели слово «Индия») – с английским суффиксом абстрактных имен *-ism*. Так появился географический маркер «индусы» (где *-s* является английским показателем множественности), которой приобрел сначала этническую, а потом и конфессиональную окраску, обозначая тех, кто не принадлежит к мусульманам², христианам, иудеям, зороастрийцам и т.д. Используя теологические стереотипы, заимствованные из собственного христианского опыта, британские ориенталисты³ с удивлением толковали религию без основоположника и единой священной книги, чье становление не зафиксировано во времени и пространстве и которая не скреплена жесткой структурой и сквозной иерархией. Этот многообразный, условно кодифицированный конгломерат, вмещающий в себя мифологических персонажей и философ-

ские доктрины, теологические обоснования и ритуальную обрядность, эстетические и этические постулаты, социальные и политические мотивации, остается постоянным раздражителем научной мысли и побуждает к новым дискуссиям⁴.

О «Бхагавад-гите»

Вообще, разноголосые полилоги характерны для архитектоники индуизма и отражают различные этапы его формирования, как блистательно продемонстрировал лауреат Нобелевской премии Амартья Сен в книге «Индиец-спорщик» [8]. И знаменитая «Бхагавад-гита», вернее способ ее почти двухтысячелетнего существования, весьма убедительно иллюстрирует индуизм в целом и его состязательный характер в частности.

«Бхагавад-гита» (далее «Гита»), т.е. «Божественная песнь» / «Песнь Господня», – не что иное, как философская вставка в 700 строф из 6-й книги «Махабхараты», или «Великого индийского [сказания]». Этот памятник мировой литературы почти тысячелетие существовал в устной передаче и был зафиксирован не ранее III–IV вв. Мифологическая традиция признает создателем «Махабхараты» мудреца Вьясу, индусы черпают из эпоса теологические доктрины и этические образцы, а ученые рассматривают его как энциклопедию собственно индуизма (в отличие от ведизма и брахманизма предшествующих эпох). «Махабхарата» рассказывает о соперничестве двух родственных кланов – («плохих») Кауравов и («хороших») Пандавов. На Курукшетре, поле, «опознаваемом» в 100 км к северу от Дели, готовится решающая битва, в преддверии которой бог Кришна, сторонник «сил добра», разъясняет одному из братьев Пандавов суть нравственного долга и основы мироустройства – это и есть «Гита».

¹ Ср. рус. «волжанин».

² Первое «религиозное» противопоставление индуса и мусульманина зафиксировано в «Диалоге между хинду и турком» маратхизычного «святого поэта» Экнатха (XVI в.) [1].

³ Об «ориентализме» см. [2]; об «ориентализме» в исследованиях Индии см. [3].

⁴ Наиболее плодотворные обсуждения проходили в 1980–1990-х годах, см. [4, 5] – в [4] удачный подход предложен в статье *The Polithetic-Prototype Approach to Hinduism* (Gabriella Eichinger Ferro-Luzzi); См. также в переводе на рус. яз. [6; 7].

Началом складывания самой «Гиты» называют первые века до н.э., ее интерполяцию в текст «Махабхараты» относят к V–VI вв., а канонизацию текста связывают с именем Шанкары, философа-ведантиса IX в. Версия, вокруг которой выстроен его комментарий, обрела статус вульгаты, а прочие рецензии ушли в прошлое. Вообще, интерпретация «Гиты» представляла собой обязательную часть «тройственного канона», наряду с истолкованием упанишад и «Брахма-сутр», и эта «триада» комментариев создавала основу философской школы, в которую встраивалось то или иное направление (*sampradaya*, *panth*, *parampara*) внутри индуизма¹. Авторы работ через века продолжали дискутировать друг с другом – молчание по вопросу о «Гите» в средневековой Индии считалось «глухим» и ненормальным [9. С. 139]. Многозначность наряду с внутренней противоречивостью и, как следствие, потребность в неутолимом толковании как раз и сообщают тексту статус сакрального, тем самым обеспечивая долгую жизнь. Фрэнсис Клуни, американский профессор теологии, отмечает, что именно «наличие комментария может быть важным указателем на существование теологического дискурса» [10. С. 461], и методология модернизации древней религии именно таким способом сохранилась до наших дней.

Функционирование «Гиты» за пределами эпоса привело к тому, что каждая ее строфа обрастала окружением из новых слов, объясняющих ее потаенные смыслы: тем самым многочисленные комментарии, переводы, переложения и подражания стали неотъемлемой частью как индуизма, так и культуры в целом. К началу 1980-х гг., после которых новые подсчеты не производились, бельгийские ученые Винанд Каллепорт и Шилананд Хемрадх (Пит Хемерикс) зафиксировали свыше 50 комментариев и более 2 тыс. переводов на 75 языков [12. С. viii]. То, что индийцы называют «Гиту» «матушкой» – *Gita-mata*, Всеволод Семенов, российский санскритолог и автор одного из русских переводов, воспринимал как выражение «идеи порождения культуры авторитетным текстом» [9. С. 127]. Иными словами, «Гита» представляет собой интертекст *par excellence*, знание которого предопределяет понимание последующей вербальной и (позднее) визуальной традиции в сфере индийской духовности в широком смысле.

О «Светоче истинной веры»

«Светоч истинной веры» (*Bhavarthadipika*), созданный в конце XIII в. поэтом-философом

Днянешваром (1271/75–1296), знаменит тем, что представляет собой первый комментарий к «Гите» не на священном санскрите, а на старом маратхи, разговорном языке отдельного историко-культурного региона Индии – Махараштры². Сочинитель обозначил жанр «Светоча» как «поэтическая презентация дхармы»; произведение из 9 тыс. строф, превосходящее оригинал в 13 раз, также называют по имени автора – «Днянешвари». Завершив труд, юный Днянешвар посчитал жизненную миссию выполненной и добровольно прервал свое земное существование, заточив себя в подземелье: индийская традиция трактует это как «принятие самадхи»³. Этот сюжет локализуется в деревне Аланди, недалеко от Пуны, культурной столицы Махараштры; после нескольких веков забвения подземелье было обнаружено вновь, и на этом месте возник «храм самадхи Днянешвара». Сюда приходят поклониться святыням – плите из черного камня, закрывающей пещеру, где, убеждены верующие, по-прежнему укрыт живой Днянешвар, или установленной сверху серебряной маске, символизирующей обожествленного поэта-философа, а также читать его комментарий к «Гите».

Это обстоятельство объясняется тем, что «Светоч»/«Днянешвари», вобравший в себя строки из оригинальной «Бхагавад-гиты», превратился в священную книгу так называемой традиции варкари (*Varkari panth*) – маратхиязычных индусов, которые совершают *вару* – ежегодное коллективное паломничество в город Пандхарпур, в 230 км от Аланди. Там расположен главный храм бога Витхобы, регионального божества, отождествляемого с Кришной. К нему в определенное время года из разных частей Махараштры выдвигаются многотысячные колонны паломников, что позволило известному индийскому ученому Иравати Карве воскликнуть: «Махараштра – это страна, люди которой ходят в паломничество [в Пандхарпур]» [15. С. 158].

Поскольку за семь веков, прошедших после сочинения «Светоча», язык маратхи претерпел существенные изменения и текст, как и отраженные в нем реалии, стал трудным для понимания, то сам «Светоч» превратился в объект комментирования средствами современного маратхи. Клуни продолжает: «В свою очередь, мы можем приписать теологическую значимость вторичным тек-

² Теперь это третий по площади индийский штат (столица Мумбаи) с населением более 112 млн (по Переписи 2011 г.).

³ Здесь под *samadhi* подразумевается состояние, достижимое через волевое усилие, которое направляет индивидуальную душу на слияние с Абсолютом, что, вероятно, являлось формой религиозного самоубийства. Подробнее о Днянешваре см. [13, 14].

¹ Здесь изложена самая общая схема; подробности, как и библиографию, см., например [9, 11, 12 и т.д.]. Также см. в соответствующей литературе характеристики жанров и произведений.

стам, т.е. комментариям, которые фактически породили дальнейшее комментирование, поскольку это дальнейшее комментирование также свидетельствует об интеллектуальном уважении к религиозному тексту» [10. С. 461]. В силу того, что современные варкари – по разным обстоятельствам – распадаются на отдельные направления, называемые *пхадами* (*phad*) и возглавляемые собственными лидерами или наставниками, то и комментариев-переводов, существенно превышающих уже размер «Днянешвари», насчитываются десятки. Только на полках в моем кабинете их несколько, включая «Сопровождаемый пояснениями “Днянешвари”», составленный учредителем Школы варкари Аланди Ш.В. Дандекармом (1016 стр.), «Сопровождаемый пояснениями “Днянешвари”», [созданный в духе] сампрадая учителя Сакхремахараджа» (1105 стр.) и т.д. Правильнее было бы – хотя грамматика русского языка противится этому – написать «Сопровождаемая пояснениями “Днянешвари”», тем самым продемонстрировав женский род метонимического титула, что облегчило бы восприятие статуса маратхиязычного комментария к «Гите» в культуре Махараштры как *маули*, «матушки». «Светоч истинной веры» был переведен на все основные языки Индии, не единожды на английский, французский и немецкий, а его переложение на русский, начатое в 1980-х гг. ленинградским индологом Б.И. Кузнецовым, осталось незавершенным.

Однако даже сакральный «Светоч», поднявшийся до высот национального достояния Махараштры, не остался единственным маратхиязычным комментарием к «Гите». Ее интерпретации были весьма популярны среди маханубхавов, еще одного религиозного толка, который возник также в XIII в. с «пятеркой Кришн» в качестве главного объекта почитания; среди маратхского брахманства – не жрецов-ритуалистов, а знатоков священных книг, и маратхских теологов ислама. Наконец, 500-страничный комментарий к «Гите», раскрывающий ее «секреты», написал один из самых активных борцов за индийскую независимость – Бал Гангадхар Тилак во время тюремного заточения в 1911–1912 гг. Его комментарий неоднократно переиздавался, также был переведен на английский и индийские языки и по-прежнему популярен в Махараштре. Вслед за Тилаком, и тоже в тюрьме (1939), комментарий к «Гите» – путем истолкования ее содержания сокамерникам – наговорил верный соратник Махатмы Ганди – Виноба Бхаве; впоследствии он был записан Сане Гуруджи, одним из «слушателей» и известным маратхским писателем. Получив название «Проповеди о “Ги-

те”», комментарий неоднократно переиздавался и также переведен на множество индийских и европейских языков [12. С. 202–203].

О «Бхагавад-гите как она есть»

«Международное общество сознания Кришны» (МОСК) было создано в 1966 г. Бхактиведантой Свами Прабхупадой, урожденным Абхаем Чараном Де, а в 1988 г. зарегистрировано как религиозное объединение в России (см. [16, 17, 18, 19, 20]). Теология и ритуалистика МОСК коренятся в индуистских традициях и устоях того региона, уроженцем которого был Прабхупада, а именно – в вишнуитской традиции Бенгалии и ее знаковой фигуре – Вишвамбхаре Мишре (1486–1533), вошедшем в историю мистического течения индуизма как Кришна-Чайтанья, или «Сознание Кришны» (см. [21, 22, 23]). Среди прочего, непосредственно от Чайтаньи в повседневную, причем публичную, практику членов МОСК вошло исполнение особых песнопений – *киртанов*, славословящих Кришну и способствующих пробуждению в душах верующих чувства *бхакти* – личного эмоционального контакта с богом. В Индии изобретателем ритуала публичного музыкального восхваления божества считается поэт-варкари и биограф Днянешвара Намдев, который во время своих передвижений по Индии исполнял гимны во славу Витхобы-Кришны, распространяя жанр *киртана* далеко за пределами Махараштры. На обложке книги, изданной в Индии, Намдев изображен держащим в правой руке струнную *вину*, а в левой – трещотку [24].

Как и в случае с другими, возникающими внутри индуизма, группами, сакральным текстом МОСК стал комментарий к «Бхагавад-гите», написанный основателем общества еще в 1940-х гг., но затем утраченный и воссозданный под названием «Бхагавад-гита как она есть» в 1960-х гг.. Этот нюанс – «возвращение святыни» – также изоморфен аналогичным сюжетам из истории становления других религиозных общин. Например, Экнатх, поэт-варкари XVI в., в своих гимнах повествует о явлении ему во сне Днянешвара, в результате чего Экнатх из Пайтхана, где он жил, отправился в Аланди на поиски *самадхи* своего предшественника из XIII в. Обнаружив подземную пещеру и спустившись в нее, он «узрел живого Днянешвара» и лежащую рядом рукопись «Светоча». Адепты «пути» варкари интерпретируют этот метафорический сюжет как чудо, а светские ученые – как редактирование текста, т.е. освобождение его от позднейших напластований, осуществленное Экнатхом. Во всяком случае, с этого момента начинается духовный и организационный

рост общины, сопровождаемый превращением *самадхи* и обустройства вокруг нее пространства в священные реликвии маратхиязычного региона.

Вообще, названия обоих комментариев – «Светоч истинной веры» и «Бхагавад-гита как она есть» – свидетельствуют о том, что каждый толк внутри индуизма именно свое понимание текста считает наивернейшим. «Каждая отдельная школа, секта или региональная община чтит своего учителя, нередко рассматривая его как земное воплощение Всевышнего» [25. С. 16], – эти строки я писала во Введении к коллективной монографии «Древо индуизма» более десяти лет тому назад, объясняя отличие индуизма от авраамических религий. В том же томе содержатся два, отражающие разное понимание, материала о «Бхагавад-гите» [27, 28]; наконец, труд завершается главой «Неоиндуизм и неоиндусский мистицизм», автор которой уже тогда – в конце 1990-х гг. – замечала: «Писать о кришнаитах в ситуации, когда Русская православная церковь ведет против них юридическую и идеологическую войну, страшно: любое суждение академического характера может быть вырвано из контекста и употреблено во вред тем, о ком пишешь¹. Объявленные «тоталитарной сектой» и «мафиозной структурой» (эта дефиниция содержится, в частности, в брошюре А. Дворкина «Десять вопросов навязчивому незнакомцу», изданной под эгидой Патриархии), кришнаиты отчаянно протестуют, когда их характеризуют как неоиндусов или нетрадиционную религию. И причины здесь не столько академического, сколько практико-политического свойства: «новым» и «нетрадиционным» религиям в демократической России скоро может стать так же туго, как во времена государственного атеизма» [18. С. 480–481].

Ни страха, ни смущения не испытывают ученые Европы, Азии, Америки и Австралии, исследуя, каким образом модернизированный индуизм приживается на «неканонических» территориях. Например, в 2009 г. на многоходовой, длившейся практически два года, конференции в Манчестерском университете о «Религии, которая называет себя индуизмом»², Майя Варриар, этническая ин-

дианка и университетский профессор из Уэльса, провела мастер-класс, демонстрируя характер диалога с членами МОСК, уже несколько десятилетий включенными в религиозный ландшафт Великобритании. Ее визави стал Расамандала дас, один из руководителей местного «Общества сознания Кришны», принявший индуизм европеец, автор учебных пособий «Сердце индуизма» для разных ступеней общеобразовательных школ страны. Если продолжить аналогии между варкари и кришнаитами, то, безусловно, оба направления, представляющие основные ветви западного и восточного вишнуизма соответственно, формировались сходным образом. Впрочем, «Светоч», известный за рубежом как литературный памятник (в 1996 г. 700-летие его создания было объявлено ЮНЕСКО годом этого произведения), сакральным статусом обладает только в Махараштре, которая вычитывает первоначальную «Бхагавад-гиту» из «Днянешвари», «Секретов» Тилака или «Проповедей» Бхаве. А «Бхагавад-гита как она есть», не будучи литературным памятником, стала общиннообразующим текстом не только для приверженцев Прабхупады, но и для индусов, воспитанных в русле иных традиций, как за рубежом, так и в самой Индии. Наконец, широкий читатель в России узнал о первоначальной «Бхагавад-гите» как раз через кришнаитский текст, в который она включена как комментируемый объект.

Об образе России в Индии

За полвека существования МОСК успешно влилось в широкое русло индуизма и, подобно иным современным проявлениям этой древней религии, стало объектом научного изучения³. Факт его признания другими вишнуитскими общинами я непреднамеренно засвидетельствовала более 20 лет тому назад – в 1990 г. в собственных путевых заметках, впоследствии вошедших в мою книгу о варкари и Витхобе. В конце 18-дневного перехода из Аланди в Пандхарпур в «колонне Днянешвара» в качестве «включенного наблюдателя» я стала очевидцем соединения на Деканском плато, под открытым небом, сотен тысяч паломников из разных уголков Махараштры и зафиксировала в своем дневнике: «Из Вакхри первая колонна стартовала в полдень. По установившейся традиции, Днянешвар сначала пропускает своих

¹ Именно так произошло с фразой, «вырванной» из моей статьи 1996 г., многократно – в качестве цитаты или эпиграфа – использованной на различных православных сайтах, в результате чего мое имя оказалось соединенным с безграмотной статьей относительно «Общества сознания Кришны», о чем я случайно узнала только в 2008 г.

² Эта формулировка отражает незакрепленность жесткой дефиниции за понятием «индуизм» и открытый характер дискуссии вокруг него.

³ Ссылка на работы российских религиоведов приведена выше. См. также: Brooks C. The Hare Krishnas in India, Princeton: Princeton University Press, 1989; Burghart R. (ed.). Hinduism in Great Britain: the Perpetuation of Religion in an Alien Cultural Milieu, London: Tavistock, 1987; Nye M. A Place for our Gods: the Construction of a Hindu Temple Community in Edinburgh, London: Curzon Press, 1995; Shinn L. The Dark Lord: Cult Images and the Hare Krishnas in America, Philadelphia: Westminster, 1987, и др.

питомцев – процессии, осененные именами других праведников традиции варкари, поэтому колонна с его «стопами» входит в Пандхарпур последней. Мы стояли на обочине и пропускали вперед колонны Тукарама и Нивруттинатха, Мукта-баи и Рамдаса¹ и др. Были колонны совсем небольшие – по 20–30 человек, и они несли паланкины со «стопами» своего *санта* на плечах. Были огромные – многотысячные – с вознесенными шафрановыми знаменами и щедро украшенными кустиками *тулси*². Затесалась даже группка веселых кришнаитов – они явно выделялись своим видом, их солирующий то и дело затягивал в мегафон: «Харе Кришна Харе Рама» [13. С. 77–78]. Именно в Аланди, где я оказалась вновь в декабре 2011 г., отслеживая, как видоизменяется не только «храм самадхи Днянешвара», но и «путь» варкари в целом, меня ошеломили вопросом: «Что происходит в России с «Бхагавад-гитой как она есть»?»

В Индии же в это время происходило следующее. Появление информации о судебном процессе в Томске вызвало волну негодования среди более чем миллиардного населения страны и сплотило ряды политических соперников – Бхаратия джаната парти, Индийского национального конгресса, обеих Коммунистических партий, Социалистической и т.д. и членов разных конфессий – индусов, мусульман, христиан, джайнов, буддистов, парсов, иудеев и сикхов. Бурная реакция индийского парламента, чье заседание спикер Мира Кумар была вынуждена дважды прерывать вследствие чрезмерного накала страстей, перетекла в организованное шествие депутатов к посольству России в Нью-Дели для передачи российскому президенту экземпляра «Бхагавад-гиты» и обращения с выражением протеста против обвинения ее в экстремизме. Посла России в Индии А.М. Кадакина вызвали в индийский МИД для объяснений, а министр иностранных дел С.М. Кришна, по причине своего имени, был не без усмешки объявлен общественностью «главным спасителем» кришнаитской версии священной книги. В Колкате (Калькутте), столице Западной Бенгалии, прочно связанной с вишнуитским индуизмом Чайтаньи, демонстрация протеста перед Генеральным консульством России остановила уличное движение. А в

Махараштре Высокий суд Мумбаи (Бомбея), на основе закрепленного в индийской юриспруденции права на возбуждение «судебного рассмотрения в общественных интересах» (public interest litigation), принял иск от рядовых граждан – Виджая Даве и Расендры Нанавати, возмущенных «бездействием правительства Индии, хотя томское дело в отношении указанного текста началось полгода тому назад» (The Hindu, 22.12.2011). Суд запросил от центрального правительства информацию, кто из индийских юристов будет представлять Индию в томском суде (DNA, 22.12.2011), и подтвердил это требованием: «Нужно участвовать в суде с разъяснением русским содержания «Гиты»» (Samna, 22.12.2011). Пятый конгресс «Всеиндийского союза брахманов», проходивший в конце декабря в Пуне, на территории Новой английской школы, когда-то основанной Тилаком и его соратниками, также обратился с требованием к индийскому правительству о немедленной защите «Бхагавад-гиты» Прабхупады (Prabhat, 25.12.2011).

В полосном материале «Русские затеяли неправедный скандал вокруг праведной книги» (The Times of India, 22.12.2011) известный руссист Абхай Маурья из Делийского университета поименно назвал Сергея Аванесова, Валерия Свищунова и Валерия Наумова, трех экспертов из ТГУ, осуществивших профессиональный подлог. Ряд «нерукопожатных» персон пополнили эксперты из Кемеровского государственного университета, среди которых «не оказалось ни одного специалиста по индуизму», сообщила еще одна полосная статья, озаглавленная «Прочитали России «Гиту», так она...» (Ravivar Maharashtra Times, 25.12.2012). Название отсылает к маратхской поговорке «Прочитали ослу «Гиту», так он такое учудил, что вчерашнее цветочками показалось». Там же автор привел другую народную мудрость, в которой фигурирует священное животное индусов – корова: «От вороньего карканья корова не помрет». Далее в статье говорилось: ««Бхагавад-гита» – это древнее наследие, полученное Индией. Многие – от древних мудрецов до Днянешвара и от Тилака до Винобы Бхаве – изучали ее самым серьезным образом. Доносили ее смысл до простого человека. Даттатрай Анант даже написал «Гиту на качелях», чтобы и детям было понятно. Чем больше изучаешь «Бхагавад-гиту», тем больше смыслов в ней открывается – это опыт всех, кто ее исследовал. А российским горе-исследователям вдруг попался смысл, которого там вовсе нет – вот ведь что интересно! Многие посвятили всю жизнь изучению «Бхагавад-гиты»,

¹ Нивруттинатх и Мукта-баи – родные брат и сестра Днянешвара, Тукарам и Рамдас – поэты-проповедники XVII в., из которых первый принадлежит к «пути» варкари, а второй является основателем новой общины – рамдаси, также входящей в вишнуитское направление индуизма.

² *Сант* – здесь поэт-проповедник, воспевавший бога Витхобу и паломничество в Пандхарпур. *Тулси* – базилик священный, любимое растение Витхобы-Кришны, горшки с которым несут на головах женщины-варкари.

а тут – до каких глубин может доискаться «комиссия из философов» всего за несколько месяцев, от августа до декабря, – известно только Кришне! И приходится с сожалением признать, что Россия, запускавшая в небесную высь «Спутники» и «Союзы», оказалась неспособной проникнуть в философские глубины». Статья сопровождалась цветной фотографией, запечатлевшей протестную демонстрацию кришнаитов и свидетельствующей, что и автор (Аникет Конкар), и читатели осведомлены, какая книга вызвана в суд в Томске.

Вообще, индийцы были беспредельно оскорблены, и тема российского «невежества» обыгрывалась во многих заголовках: «Все это заварилось из-за невежества» (The Asian Age, 21.12.2011), «Цена невежества» (The Asian Age, 22.12.2011), «Образец абсурда» (The Sunday Express, 01.01.2012), «Смешно, что Гиту вызвали в суд» (The Asian Age, 21.12.2011). Письма читателей содержали заявления: «Мы не потерпим оскорблений бога Кришны» (Hindustan Times, 20.12.2011) и предложения: «Пора образовывать этих русских. Можно начать с телепоказа 93-х серий «Махабхараты»» (The Asian Age, 21.12.2011); «Нужно отправить кого-нибудь в Томск, чтобы объяснили русским Гиту» (Samna, 27.12.2011).

Статья «Транссибирские пошлости», познакомив читателей с Томском через фигуру Михаила Бакунина, оставившего заметный след в истории международного анархизма, завершилась словами: «Симпатичный маленький Томск, прозванный когда-то «сибирскими Афинами» за преобладание в нем студенчества, был обойден Транссибирской железной дорогой и мог вообще исчезнуть с карты, если бы не его знаменитый университет и технические вузы, а также промышленное производство в период Второй мировой войны. Теперь же он воспрял высь, продемонстрировав свою власть над работоспособностью индийского парламента» (The Indian Express, 21.12.2011).

В прессе появилось множество карикатур, одна из которых, например, изображала российского консула, отказывающего в российской визе индианке по имени «Гита» (Samna, 25.12.2011). Газета из провинциального Колхапура поместила фельетон, в котором ситуацию с кришнаитской «Бхагавад-гитой» обсуждали два персонажа: «Первый: «Ну до чего же дальновидные наши политики Соня Ганди и Манмохан Сингх¹!» Второй: «С чего ты это взял?» Первый: «Да вот Гиту-то, из-за ко-

торой скандал возник за границей, Кришна рассказал, и разруливать тоже Кришне приходится. Это ж надо было предугадать и поэтому назначить С.М. Кришну министром иностранных дел!»» (Pudhari, 24.12.2011). «Ирония заключается в том, что жители Томска сами могут преподавать урок возмездия очернителю того, что дорого сердцу другого. Антон Чехов, русский писатель, проезжал через город в 1890 г. и написал в письме своей сестре «Томск – скучнейший город... и люди здесь прескучнейшие...». Томичи ответили установкой памятника Чехову, высмеивающего классика. Так, может быть, высечь на камне строки из сочинения, благодаря которому томская недалекость нашла подтверждение?» (Hindustan Times, 22.12.2011).

28 декабря, в день, когда ожидался первый вердикт, ведущая индийская газета заявила: «Какое бы решение в какой угодно стране ни вынес любой суд, «Бхагавад-гита как она есть» никоим образом не пропагандирует ни экстремизма, ни терроризма» (The Times of India, 28.12.2011). А следующий день принес новые заголовки: «Завершилась «российская глава» в истории «Бхагавад-гиты» (Samna, 29.12.2011), хотя индийцы прекрасно осведомлены, что ни один из сюжетов, связанных с «Махабхаратой», не имеет ни начала, ни конца.

О христианах и трудностях перевода (вместо заключения)

Скрупулезный том размером в 399 страниц о традиции транскультурного перевода/переложения «Бхагавад-гиты», упомянутый выше, был задуман и собран бельгийцами Каллевортом и Хемраджем [12], преподавателями Католического университета Лёвена, а техническую помощь при издании книги оказали сотрудники Католической типографии в Ранчи (Индия). Первые переводы поэтов-варкари на английский, португальский, немецкий, голландский и французский, как и компаративистские исследования теологического характера, принадлежат различным христианским миссионерам, в разное время вступившим на землю Махараштры. Пресвитерианцы Несбит и Мюррей Митчеллы из Шотландской миссии еще в XIX в. рассказали – в светском журнале! – о Пандхарпуре и Витхобе; их единовец Джастин Эбботт проделал титаническую работу, переведя на английский буквально «километры» агиографий святых поэтов – от Экнатха до Тукарама; иезуит Аджит Локханде в теологической диссертации проанализировал феноменологические аспекты гимнотворчества Тукарама, а мой давний знакомый Томас Дабре – ныне католический епископ Пуны – сопоставил религиозную символику пищи у варкари и католиков.

¹ Соня Ганди – председатель партии Индийский национальный конгресс, возглавляющей правительственную коалицию; Манмохан Сингх – премьер-министр Индии.

Я привела лишь несколько имен из близкой мне области исследований, свидетельствующих о доброжелательном «диалоге религий» и о высоком профессионализме его участников, однако перечисление можно продолжить и распространить на другие регионы Индии и другие направления индуизма. Эти «другие направления», вернее – существующую внутри них сегментную раздробленность, имманентно свойственную индуизму, индологическая литература на любом из перечисленных выше европейских языков называет «сектами». Словари сообщают, что англ. *sect* означает 1. 1) секта; *religious* ~ религиозная секта; 2) церковь, вероисповедание; 2. направление, течение (в философии, политике и т.п.); 3. уст. религиозный орден [29. С. 399]; что франц. *faire secte* – (букв. «делать секту». – И.Г.) держаться особняком, иметь свое особое мнение [30. С. 775] и т.д., но нигде не говорится, что «секта – это плохо». В своем нейтральном значении эта лексема встречается и в отечественных работах об индуизме: будучи заимствованной, она давно русифицировалась и стала синтаксически удобной в синтетическом – по лингвистическому строю – русском языке. В.И. Даль толковал «секту» нейтрально как «братство, принявшее свое, отдельное учение о вере; согласие, толк, раскол или (в завершение. – И.Г.) ересь» [31. С. 45]. Однако в более поздних словарях «секта» стала обрастать негативными коннотациями, связанными с отношением к ней в строго закреплённой церковной иерархии: «1) религиозная община, отколовшаяся от господствующей церкви» (а также 2) *перен.* «группа лиц, замкнувшихся в своих мелких, узких интересах») [32. С. 631], что, безусловно, не отражает равнозначной допустимости и теологического баланса между различными общинами индуизма, хотя и не исключает их соперничества и противоборства.

В языках, где грамматические связи вынесены за пределы слова (например, английский), употребление иноязычных заимствований не сталкивается с трудностями, которые постоянно должны разрешать отечественные индологи. В русском языке трудности возникают не только с родовой соотнесённостью того или иного слова из чужого языка (как в случае с «Днянешвари», чье название должно восприниматься как слово женского рода), но и с синтаксическим поведением заимствований. Лексемы *сампрадай(я)* – «даватель», *пантх* – «путь», *парампара* – «непрерывный поток», необходимые в разговоре об индуизме, весьма неудобны с точки зрения их бытования в составе русского языка. Их буквальный перевод невозможен, а

существующие в русском языке аналоги, передающие идею определенным образом организованного сообщества единомышленников, например «орден» или «братство», уже нагружены не только семантически, но и эмоционально. Так же узко – да еще с устрашающим определением «тоталитарный» – к месту и не к месту навязывают использование в русском языке слова «секта».

Об индуизме в России XXI в. известно мало. Предпочтительно, чтобы о нем рассказывали профессиональные ученые или сами верующие, а не хулители тех и других. Патриарх мировой индологии, знаменитый Рамчандра Нараян Дандекар (1909–2001) писал (и это доступно на русском языке!): «Индуизм по сути своей динамичен. В отличие от многих профетических или основанных на доктрине религий, тяготеющих к статичности, он на протяжении всей своей истории проявлял замечательную гибкость, приспосабливаясь к условиям различных общин, эпох и регионов. Он всегда без колебаний поддерживал новые священные книги, новых богов и новые институты. Он не отвергал никого; он приветствовал в своем лоне всех, кто жаждал обрести духовное наставничество, социальную защиту и поддержку» [33. С. 198].

Видимо, этими качествами индуизм, состоящий из «сект», так и привлекателен.

ЛИТЕРАТУРА

1. Zelliot Eleanor. A Medieval Encounter between Hindu and Muslim: Eknath's Drama Poem Hindu-Turk Samvad // Clotthey F.W. (ed.). Images of Man: Religion and Historical Process in South Asia. Madras: New Era. 1982.
2. Saïd Edward. Orientalism. NY: Pantheon. 1978. (См. рус. перевод: Саид Эдвард В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006).
3. Inden Ronald. Imagining India. Cambridge MA–Oxford UK: Blackwell, 1990.
4. Sontheimer Günther-D., Hermann Kulke. Hinduism Reconsidered. New Delhi: Manohar, 1989.
5. Dalmia Vasudha, Stietencron von Heinrich. Representing Hinduism. The Construction of Religious Traditions and National Identity. New Delhi–Thousand Oaks–London: Sage Publications, 1995.
6. Зонтхаймер Г.-Д. Пять компонентов индуизма и их взаимодействие // Древо индуизма / отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 1999.
7. Штетенкрон фон Г. О правильном употреблении обманчивого термина // Древо индуизма / отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 1999.
8. Sen Amartya. Argumentative Indian. Writings on Indian History, Culture and Identity. New Delhi: Penguin, 2006.
9. Семенцов В.С. Бхагавадгита. Перевод с санскрита, исследование и примечания. 2-е изд. М.: Восточная литература, 1999.
10. Clooney Francis. Restoring "Hindu Theology" as a Category in Indian Intellectual Discourse // Flood Gavin (ed.). The Blackwell Companion to Hinduism. Oxford: Blackwell Publishing, 2003.

11. *Исаева Н.В.* Шанкара и индийская философия. М.: Наука, Восточная литература, 1991.
12. *Callewaert W.M., Hemraj Shilanand.* Bhagavadgitanuvada. A study in Transcultural Translation. Ranchi: Satya Bharati, 1983.
13. *Глушкова И.П.* Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры. М.: Научный мир, 2000.
14. *Глушкова И.П.* Следы и наследие. Извлечение посмертных смыслов // Смерть в Махаращтре. Воображение, восприятие, воплощение. М.: Наталис, 2012.
15. *Karwe Iravati.* «On the Road»: A Maharashtra Pilgrimage // E. Zelliott and M. Berntsen (eds). The Experience of Hinduism. Essays on Religion in Maharashtra. Albany: State University of New York Press, 1988.
16. *Ткачева А.А.* Индуистские мистические организации и диалог культур. М.: Наука, ГРВЛ, 1989.
17. *Ткачева А.А.* Новые религии Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1991.
18. *Ткачева А.А.* Неоиндуизм и неоиндусский мистицизм // Древо индуизма / отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 1999.
19. *Фаликов Б.З.* Неоиндуизм и западная культура. М.: Наука, Восточная литература, 1994.
20. *Иваненко С.И.* Вайшнавская традиция в России: история и современное состояние. Учение и практика. Социальное служение, благотворительность, культурно-просветительская деятельность. М.: Философская книга, 2008.
21. *De Sushil Kumar.* The Early History of the Vaisnava Faith and Movement. Calcutta: Forma K.L. Mukhopadhyay, 1961.
22. *Dimock Edward C.* The Place of the Hidden Moon. Chicago and London: University of Chicago Press, 1966.
23. *Morinis E. Alan.* Pilgrimage in the Hindu Tradition. A Case Study of West Bengal. Delhi: Oxford University Press, 1984.
24. *Novetzke Christian.* History, Bhakti, and Public Memory. New Delhi: Permanent Black, 2009.
25. *Глушкова И.П.* Введение // Древо индуизма. М.: Восточная литература, 1999.
26. *Серебряный С.Д.* «Бхагавад-гита»: на путях к новым интерпретациям // Восток–Оrients. Афро-азиатские общества: история и современность. 1993. № 4.
27. *Серебряный С.Д.* Многозначное откровение «Бхагавад-гиты» // Древо индуизма / отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 1999.
28. *Пименов А.В.* Дхарма для каждого: «Бхагавад-гита» и становление индуизма // Древо индуизма / отв. ред. И.П. Глушкова. М.: Восточная литература, 1999.
29. *Гальперин И.Р., Медникова Э.М.* (руков.) Большой англо-русский словарь. М.: Русский язык, 1988. Т. 2.
30. *Французско-русский словарь* / сост. К.А. Ганшина. М.: Советская энциклопедия, 1971.
31. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Совмещенная редакция изданий В.И. Даля и И.А. Бодуэна де Куртенэ в современном написании. М.: Олма-Пресс, 2002. Т. 4.
32. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981.
33. *Дандекар Р.Н.* Что такое индуизм? // Дандекар Р.Н. От вед к индуизму. Эволюционирующая мифология / сост. Я.В. Васильков; перев. с англ. К.П. Лукьяненко. М.: Восточная литература, 2002.